

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

ЛОТМАН

РОМАН А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»:
КОММЕНТАРИЙ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Юрий Лотман

**Роман А.С. Пушкина «Евгений
Онегин». Комментарий**

«Издательство АСТ»

1980

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Лотман Ю. М.

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий /
Ю. М. Лотман — «Издательство АСТ», 1980 — (Эксклюзив:
Русская классика)

ISBN 978-5-17-156040-9

Великий роман в стихах «Евгений Онегин» кажется простым и понятным, но это обманчиво. В действительности, его текст хранит немало загадок, смысл которых зачастую ускользает от современного читателя. Множество намеков, скрытых отсылок, масса лиц, понятий и предметов, очевидных для людей той эпохи, но теперь неизвестных широкой публике, — все это не мешает наслаждаться поэтическим совершенством «Евгения Онегина», но может помешать понять его действительно глубоко и полно, потому что любое литературное произведение существует в контексте своего времени. Эта книга будет интересна в равной степени и для филологов, и для студентов, и просто для любителей Пушкина, представляет собой настоящий ключ к тайнам, скрытым в классическом тексте. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-156040-9

© Лотман Ю. М., 1980
© Издательство АСТ, 1980

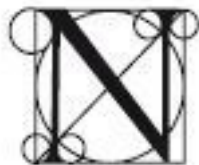
Содержание

От составителя	6
Введение	12
Хронология работы Пушкина над «Евгением Онегиным»	12
Внутренняя хронология «Евгения Онегина»	14
Проблема прототипов	18
Очерк дворянского быта онегинской поры	23
Хозяйство и имущественное положение	24
Образование и служба дворян	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юрий Лотман

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий

Печатается с разрешения ELKOST literary agency.

© Tallinn University, 2023

© Juri Lotman Semiotics Repository in Tallinn University, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

От составителя

*Памяти
Григория Александровича
Гуковского*

Предлагаемое вниманию читателей пособие является комментарием к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Для того чтобы между читателем и автором комментария возникло должное взаимопонимание, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Основные особенности научного жанра комментария сформулированы в книге С. А. Рейсера «Палеография и текстология нового времени» (М., 1970): «Независимо от того, для какой читательской категории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему – он должен помочь читателю понять текст. Комментарий – спутник текста» (С. 293). Тезис этот следует понимать в двух планах. Первый – практический: чтение предлагаемого исследования не может являться самостоятельным – и построение, и аппарат его рассчитаны на параллельное чтение с пушкинским текстом. Второй имеет более общий смысл: работа над комментарием неотделима от одновременной работы над пушкинским романом. Комментарий, как и всякий научный текст, помогает размышлениям читателя, но не может заменить их. Без читательского интереса к произведению, любви к поэзии и культуры восприятия поэтического текста, без определенного уровня знаний и эстетической интуиции, без культуры мысли и эмоций читателя комментарий мертв.

Другая особенность комментария, также подчеркнутая С. А. Рейсером, – обязательная направленность комментария: «Тип комментария определяется прежде всего читательским назначением издания» (С. 292). Факт направленности имеет решающее значение для отбора комментируемых мест текста. Никакой комментарий не может, да и не должен, объяснять все. Объяснять то, что читателю и так понятно, означает, во-первых, бесполезно увеличивать объем книги, а во-вторых, оскорблять читателя уничижительным представлением о его литературном кругозоре. Взрослому человеку и специалисту читать объяснения, рассчитанные на школьника 5-го класса, бесполезно и обидно.

Настоящее издание является пособием для учителя-словесника. Это означает, что оно рассчитано на читателя, который, с одной стороны, не является специалистом-пушкиноведом, а с другой – имеет профессиональное филологическое образование. Соответственно предполагается, что специальной пушкиноведческой литературы в доступных читателю библиотеках может не оказаться, но такие широко распространенные справочники, как «Большая советская энциклопедия», «Краткая литературная энциклопедия» или «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, находятся в пределах его досягаемости. Дублировать издания такого типа было бы бессмысленно. Однако неправильно было бы и жестко исключить все упоминающееся в этих справочниках, во-первых, поскольку читателю удобнее иметь дело с одной книгой, а не с десятками томов, а во-вторых, потому, что цель настоящего справочника не совпадает с названными выше и он не просто дает сведения о том или ином имени, но и связывает их с текстом романа.

Цель всех пояснений, которые может сделать по поводу художественного произведения любой специалист, – объяснить читателю его смысл и значение, сделать понятным. Пояснения эти могут иметь двоякий характер. Они могут быть *текстуальными*, то есть объяснять текст как таковой. Такое объяснение является необходимым условием любого читательского понимания произведения. Никто – не только исследователь или преподаватель, но и простой читатель – не имеет права претендовать на сколь-либо полное понимание произведения, если ограничился той степенью проникновения в текст, которая обеспечивается знанием русского

языка и здравым смыслом, и пренебрег расшифровкой намеков, обнаружением скрытых цитат и реминисценций, если не знает реалий быта, не чувствует стилистической игры автора.

Другой вид пояснения – *концепционный*. Здесь, опираясь на понимание текста, исследователь дает разного рода интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские и др.

Первый вид пояснений дается в комментарии, второй – в теоретических исследованиях: статьях и монографиях.

Для того чтобы дать пушкинскому роману в стихах любую достаточно содержательную интерпретацию, прочтения комментария (повторяем, параллельно с текстом) недостаточно – необходимо знакомство с исследовательской литературой. Предъявлять к комментарию требование решать специфические задачи историко-литературной и теоретической интерпретации текста неправомерно. Не следует ожидать, что человек, который возьмет на себя труд ознакомиться с предлагаемым комментарием, окончательно и бесповоротно поймет роман Пушкина. Понимание такого произведения, как «Евгений Онегин», – задача, требующая труда, любви и культуры. С целью облегчения читателю этой задачи даем краткий перечень основных работ о романе (см. с. 536–539).

Тип комментария зависит от типа комментируемого текста, а пушкинский роман отличается исключительной сложностью структурной организации. Это закономерно приводит к необходимости совмещения нескольких видов комментария и к неизбежной неполноте каждого из них в отдельности.

Большая группа лексически непонятных современному читателю слов в «Евгении Онегине» относится к предметам и явлениям быта как вещественного (бытовые предметы, одежда, еда, вино и пр.), так и нравственного (понятия чести, специфика этикета, правила и нормы поведения) и социального (служебная иерархия, структура общественных отношений и пр.). При этом недостаточно объяснить, что означает то или иное название, существенно указать, являлась ли та или иная вещь модной новинкой или обломком старины, какую художественную цель преследовал Пушкин, вводя ее в свой роман, и т. д.

Отношение текста реалистического произведения к миру вещей и предметов в окружающей действительности строится по совершенно иному плану, чем в системе романтизма. Поэтический мир романтического произведения был абстрагирован от реального быта, окружающего автора и его читателей. Если явления быта и вводились в текст, то это был *чужой* быт: экзотический быт других народов или старинный быт своего мог восприниматься поэтически, современный простонародный, чиновничий или светский – лишь сатирически. Но в любом случае это был не «свой», а «их» быт, с которым читатель соприкасался именно как читатель, то есть только в литературе. Мир поэзии возвышенной и благородной, сливаясь с миром лирических переживаний автора и читателя, был очищен от ассоциаций с низменными реалиями окружающей жизни, а мир поэзии сатирической, погруженной в быт, был удален от интимно-лирических переживаний автора. В результате между поэтическим текстом и лежащей за пределами текста жизнью сознательно создавалась пропасть¹. С точки зрения комментария это приводит к тому, что поэтическое восприятие романтического произведения возможно и без детальных сведений о быте эпохи, в которую оно написано.

Пушкинский текст в «Евгении Онегине» построен по иному принципу: текст и внетекстовый мир органически связаны, живут в постоянном взаимном отражении, перекликаются намеками, отсылками, то звуча в унисон, то бросая друг на друга иронический ответ, то вступая в столкновение. Понять «Евгения Онегина», не зная окружающей Пушкина жизни – от глубоких движений идей эпохи до «мелочей» быта, – невозможно. Здесь важно все, вплоть до мельчайших черточек.

¹ См.: Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 144–149.

Весьма существенно отделить те слова, которые сделались непонятными современному читателю, от таких, непонятность которых входила в авторский расчет и которые и в пушкинскую эпоху должны были сопровождаться комментариями (это отчасти и вызвало наличие авторских примечаний к роману). Пушкин, сам отмечавший, что его

...слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами (1, XXVI, 10–12²),

конечно, мог бы заменить незнакомые или малоизвестные читателю слова обыденными и часто встречающимися. Видимо, такое решение противоречило бы его художественному заданию. Поэтому современный читатель должен знать, какие слова были необычными в онегинскую эпоху, а какие приобрели это качество позже.

Онегинский текст изобилует цитатами и реминисценциями; иногда источник их прямо обозначен, иногда автор не назван по имени, но указан совершенно недвусмысленно:

...надпись ада:
Оставь надежду навсегда (3, XXII, 9–10).

Итальянский текст подлинника, данный Пушкиным в комментарии, рассеивал на этот счет любые сомнения.

В стихах:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон, забыты мной давно (VI, 647),

вещий поэт – А. А. Дельвиг – не назван, но процитированы строки из его стихотворения «Фани», которые, казалось бы, делали намек достаточно прозрачным. Ср. у Дельвига:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной...

Однако эти стихи были опубликованы лишь в 1922 г. (*Дельвиг А. А. Неизданные стихотворения* / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922. С. 50). Они написаны в Лицее и, вероятно, были хорошо известны в узком кругу лицейцев. Таким образом, для части читателей намек был принципиально недоступен расшифровке, а для другой – узкого круга лицейских друзей (Дельвиг как автор отличался особой стыдливостью, и стихи, которые он считал недостойными печати, за пределами очень узкого круга оставались неизвестными) – понятен до очевидности.

В стихе:

Так он писал *темно и вяло* (4, XXIII, 1) —

слова, которые Пушкин выделил курсивом, представляют цитату. Источник ее не назван, но для читателей, следивших за литературной полемикой, он не был секретом: они легко при-

² Список условных сокращений и принципы ссылок на пушкинские тексты см. на с. 13–17.

поминали нашумевшую в 1824 г. статью В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие».

Можно привести и другой тип намека:

Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай... (2, XII, 9–10).

Смысл содержащейся здесь реминисценции раскрывается из сопоставления с цитатой из неоконченного «Романа в письмах» Пушкина: «...живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов» (VIII, 47). Кларисса Гарлов (Гарлоу) – героиня известного одноименного сентиментального романа Ричардсона. Подобная деталь вообще составляла общее место сентиментальных романов «на старый лад» (ср. Шарлотту за завтраком в «Страданиях юного Вертера» Гёте). Сочетание подчеркнуто нелитературного имени Дуня, самого образа играющей на гитаре провинциальной барышни с сентиментальной деталью – «разливает чай» – создает иронический эффект. Он еще более подчеркнут лирической для Ленского параллелью:

Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал... (3, XXXVII, 5–7).

Иронический характер первых стихов и лирический вторых более или менее понятен всякому читателю, в том числе и не чувствующему здесь литературных реминисценций. Однако понимание намека и ощущение параллелизма этих сцен придает тексту глубину, смысловую емкость. «Евгений Онегин» построен так, что его можно воспринимать на разных уровнях проникновения в смысл.

Принятое Пушкиным построение текста создает особый образ аудитории. Пушкинский читатель всегда неоднороден: это и интимные друзья, и отдаленные потомки. Причем в одних случаях текст предельно понятен лишь тому, кто лично знает автора и все особенности его судьбы, а в других – лишь тому, кто смотрит на произведение из глубин будущих веков. Так, читатель, уже знакомый с «Анной Карениной», романами Тургенева и Гончарова, «Возмездием» Блока и «Поэмой без героя» Ахматовой, видит в «Евгении Онегине» потенциально скрытые смыслы, ускользавшие от внимания современников. Самый масштаб создания не был понятен даже наиболее прозорливым читателям 1820–1830-х гг. Только Белинский в начале 1840-х гг. смог определить историческое место «Евгения Онегина», и с тех пор каждое новое достижение русской литературы вносит что-то новое в трактовку пушкинского романа.

Непосредственное понимание текста «Евгения Онегина» было утрачено уже во второй половине XIX в.

Сто лет тому назад автор первой попытки прокомментировать роман писал: «В Евгении Онегине более, чем в каком другом произведении, мы встречаем массу непонятных для нас выражений, намеков...» (Вольский А. Объяснения и примечания к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1877. С. III).

Уже в пореформенное время плохо помнили быт онегинской эпохи. Что же говорить о современном нам читателе?

Предлагаемая читателю работа отнюдь не первый опыт комментирования пушкинского романа: помимо указанного комментария А. Вольского³, ценные, хотя и краткие примечания содержатся в ряде научных и научно-популярных изданий «Евгения Онегина». Здесь в первую очередь следует назвать том 5 в издании: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 9 т. М., 1935* (ком-

³ В настоящее время это издание, охватывающее первую – шестую главы, представляет лишь исторический интерес.

ментарий Г. О. Винокура – с. 267–390); том 5 в издании: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Изд. 2-е. М., 1957 (комментарий В. В. Томашевского); *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. М.; Л., 1936; М., 1957; М., 1964 (комментарий С. М. Бонди).

Заслуженной популярностью у учителей пользуется книга: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя (первое изд. – в 1932 г., пятое – в 1964 г.). Эта книга, выдержавшая пять изданий, сыграла значительную роль в популяризации итогов комментаторской работы пушкинистов среди учителей-словесников. Однако в последние десятилетия появился ряд как общих, так и частных исследований, посвященных творчеству Пушкина и культуре его эпохи, были опубликованы ценные справочники и словари, в свете которых работа Бродского выглядит неполной, а частично и устаревшей.

Существуют также примечания к пушкинскому роману, написанные В. В. Набоковым (см. с. 537). В примечаниях содержится ряд параллелей с западноевропейскими литературными текстами, стилистические заметки, например указания на галлицизмы и некоторые бытовые комментарии. Однако в целом работа включает и ряд необязательных сведений, точные наблюдения перемежаются порой с субъективными и приблизительными.

Настоящий комментарий ограничен как целевой установкой, так и объемом. Поэтому от определенных сторон пояснения текста пришлось отказаться. Так, полностью исключен стиховедческий комментарий, читатель не найдет объяснений, касающихся природы стиха и строфы, рифмы, метра, ритма и звуковой структуры «Евгения Онегина». Делать отдельные «набеги» в эту область автор не считал целесообразным, а исчерпывающий или хотя бы достаточно полный комментарий этой стороны текста изменил бы весь план издания и увеличил бы значительно его объем. Ведущаяся в настоящее время интенсивная разработка стиховедческих аспектов поэзии Пушкина, возможно, восполнит этот пробел.

Условные сокращения, применяемые в дальнейшем тексте:

П – А. С. Пушкин

ЕО – «Евгений Онегин»

Алексеев – Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972.

Баратынский – Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1936.

Бродский – Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя, 5-е изд. М., 1964.

Бульвер-Литтон – Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или Приключения джентльмена. М., 1958.

Бутурлин – Записки графа М. Д. Бутурлина. // Русский архив, 1897, № 5–8.

Вигель – Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М., 1928.

Временник – Временник Пушкинской комиссии. М.; Л. Т. 1–1936. Т. 2–1936. Т. 3–1937. Т. 4–5–1939. Т. 6–1941; 1962; 1973; 1975.

Вяземский-1 – Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1958.

Вяземский-2 – Вяземский П. Старая записная книжка. Л., 1929.

Давыдов – Давыдов Д. Соч. М., 1962.

Дмитриев-1 – Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967.

Дмитриев-2 – Дмитриев И. И. Соч.: В 2 т. СПб., 1895. Т. 2.

Жуковский – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959–1960.

Карамзин-1 – Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М., 1966.

Карамзин-2 – Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964.

Кюхельбекер-1 – Кюхельбекер В. К. Путешествие, дневник, статьи. Л., 1979.

Кюхельбекер-2 – Кюхельбекер В. К. Избр. произведения: В 2 т. М.; Л., 1967.

Лернер – Лернер Н. О. Пушкинологические этюды. // Звенья. М.; Л., 1935. Вып. V.

Лотман-1 – Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория). // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.

Лотман-2 – Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы» (Адресат, текст, функция) // Наст. изд. С. 253–265.

Лотман-3 – Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Наст. изд. С. 786–814.

Лунин – Лунин М. С. Соч. и письма. М., 1923.

Миркович – Федор Яковлевич Миркович. 1789–1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889.

Набоков – Nabokov V. Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksander Pushkin. Vol. 1-4. New York, 1964.

Письма Карамзина... – Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Помещицыя Россия... – Помещицыя Россия по запискам современников. М., 1911.

Поэты 1790–1810-х – Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971.

Поэты 1820–1830-х – Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 1.

Пушкин в воспоминаниях современников – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974.

Рукою Пушкина – Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.

Рылеев – Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971.

Селиванов – Селиванов В. В. Предания и воспоминания. СПб., 1881.

Словарь языка П – Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961.

Смирнова-Россет – Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931.

Томашевский – Томашевский Б. В. Пушкин: В 2 кн. М.; Л., 1956, 1961.

Тургенев – Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.

Тынянов – Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.

В цитатах из известных драматических произведений указывается действие и явление, из известных романов – том, часть, глава.

Все ссылки на пушкинские тексты даются по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1937–1949 (кроме специально оговоренных случаев). Ссылки на это («большое академическое») издание даются следующим образом: том – римской цифрой, страницы – арабской. Таким же образом осуществляются ссылки и на варианты к «Евгению Онегину». Однако на основной текст романа ссылки осуществляются иначе: дается номер главы (*араб.*), строфы (*рим.*) и стиха (*араб.*). Ссылки на основной текст романа выделяются курсивом. Неоговоренный курсив в цитатах принадлежит источникам.

В соответствии с принятыми графическими нормами угловые скобки означают редакторские конъектуры, а квадратные – текст, зачеркнутый П. Поскольку комментируемые строки из *ЕО* даются (непосредственно в комментарии) курсивом, то в тех случаях, когда в них встречается пушкинский курсив, он передается разрядкой.

Автор считает приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность В. М. Глинке, Н. И. Громову, П. А. Зайончковскому, Г. П. Макогоненко, З. Г. Минц, В. В. Познанскому и Б. А. Успенскому, чьи советы оказали существенную помощь в работе над этой книгой, а также Л. А. Аболдуевой, Л. Н. Киселевой, М. С. Левиной и Л. И. Петинной, помогавшим при подготовке рукописи.

Введение

Хронология работы Пушкина над «Евгением Онегиным»

26 сентября 1830 г., завершив работу над *ЕО*, поэт набросал общий план издания, поместив основные даты работы:

Онегин

Часть первая Предисловие

I песнь *Хандра* Кишинев, Одесса

II – *Поэт* Одесса 1824

III – *Барышня* Одесса. Мих<айловское>. 1824

Часть вторая

IV песнь *Деревня* Михайлов<ское>. 1825

V – [Про] *Имянины* Мих<айловское>. 1825. 1826

VI – *Поединок* Мих<айловское>. 1826

Часть третья

VII песнь *Москва* Мих<айловское>. П<етер>. Б<ург>. Малинн<ики>. 1827, 8

VIII – *Странствие* Моск<ва>. Павл<овск>. 1829 Болд<ино>.

IX – *Большой свет* Болд<ино>.

Примечания

1823 год 9 мая *Кишинев* – 1830 25 сент<ября>. *Болдино* 26 сент<ября>. АП<ушкин>.

И жить торопится и чувствовать спешит

К<нязь>. В<яземский>.

7 ле<т> 4 ме<сяца> 17 д<ней> (VI, 532).

Ход работы над текстом:

18239–28 мая – начало работы над романом.

22 октября – окончена первая глава.

3 ноября – пометы в черновике об окончании первых семнадцати строф второй главы.

8 декабря – окончена вторая глава (но строфы XXXIX, XL и XXXV написаны позже).

1824 8 февраля – начата третья глава (к июню 1824 г. глава дописана до письма Татьяны включительно).

5 сентября – помета под строфой XXXII.

2 октября – закончена третья глава.

31 декабря 1824 / 1 января 1825 – помета под черновиком XXIII строфы четвертой главы.

1824–1825 – работа над четвертой главой.

1826 6 января – закончена четвертая глава.

4 января – начата пятая глава.

22 ноября – окончена пятая глава.

1826 – работа над шестой главой (как полагает Б. В. Томашевский, работа над шестой главой шла параллельно с пятой и до ее окончания).

10 августа – помета под черновиком XLV строфы.

1827 18 марта – начата седьмая глава.

1828 19 февраля – помета под XII строфой седьмой главы.

5 апреля – помета в рукописи «Альбома Онегина».

4 ноября – окончена седьмая глава.

1829 2 октября – написаны первые пять строф «Путешествия Онегина» (описание Одессы создано еще в 1825 г.).

24 декабря – начата восьмая (первоначально – девятая) глава.

1830 18 сентября – закончено «Путешествие Онегина».

25 сентября – закончена восьмая (первоначально – девятая) глава.

19 октября – сожжена десятая глава.

1831 5 октября – написано «Письмо Онегина Татьяне».

Внутренняя хронология «Евгения Онегина»

В примечании к *ЕО* автор писал: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (VI, 193). Не придавая этому высказыванию слишком буквального значения, следует все же подчеркнуть его принципиальную важность: точность соотнесенности событий романа с хронологией была сознательно противопоставлена *П* поэтике таких произведений, как «Бахчисарайский фонтан», в которых трудно пытаться приурочить действие (а вероятно, и не нужно) даже в пределах столетия. *ЕО*, если не считать десятой главы, не затрагивает исторических событий, однако автор явно рассчитывает на то, что читатель непосредственно знаком с атмосферой эпохи, без пояснений чувствует ее менявшееся не по годам, а по месяцам и неделям дыхание. Это придает внутренней хронологии романа исключительно большое значение, тем более что *П* подает читателю о ней неназойливые, но весьма определенные сигналы.

Опорной точкой является указание *П* в предисловии к отдельному изданию первой главы на то, что начало событий романа совпадает с концом 1819 г. (VI, 638). Сопоставляя с этой датой ряд указаний в тексте, мы получаем цепь основных дат.

1795 – год рождения Онегина.

В главе восьмой сказано, что, когда Онегин после дуэли оставил свою деревню, ему было 26 лет:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов (VIII, XII, 10–11).

Деревню он покинул в феврале – марте 1821 г. (см. ниже), следовательно, родился в 1795 г.; Н. Л. Бродский и С. М. Бонди приводят 1796 г., считая, что пушкинский текст должен истолковываться как указание на то, что герою *шел* двадцать шестой год. Текст не дает оснований для однозначного решения, хотя дата «1795» представляется более обоснованной. Таким образом, Онегин был ровесником А. С. Грибоедова и декабристов К. Ф. Рыльева, В. Ф. Раевского, Н. И. Лорера (все – 1795), Н. М. Муравьева, С. И. Муравьева-Апостола (оба – 1796). Он был моложе А. Н. Муравьева и П. А. Катенина (оба – 1792), П. П. Каверина и П. Я. Чаадаева (оба – 1794), но старше В. К. Кюхельбекера (1797), А. А. Дельвига (1798) и самого Пушкина (1799).

1803 – год рождения Ленского.

В январе 1821 г., когда Ленский погиб, ему было 18 лет. Это вытекает из размышлений Онегина:

...пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно (6, X, 7–9).

1803 – вероятный год рождения Татьяны.

Летом 1820 г. Татьяне было 17 лет. См. возражения *П* Вяземскому 29 ноября 1824 г. в ответ на замечания относительно противоречий в письме Татьяны Онегину: «...письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной!» (XIII, 125).

Ольга, младшая сестра Татьяны, в 1820 г. была невестой Ленского.

По нормам той эпохи она, вероятнее всего, была несколько моложе его и одновременно ей не могло быть меньше 15 лет. Вероятнее всего, ей было 16 лет. Татьяна, видимо, была старше Ольги на год.

1811–1812 – окончание «ученья» Онегина и выход «в свет».

Отсчитывая время от зимы 1819 – весны 1820 г. (времени действия первой главы), *П* пишет:

Вот как убил он восемь лет,
Утрата жизни лучший цвет (4, IX, 13–14).

16–17 лет дворянский юноша заканчивал учение, чтобы вступить в службу или пуститься в свет. В записке «О народном воспитании» *П* писал, что в России образование дворянина «кончается на 16-летнем возрасте воспитанника» (XI, 44). Однако год-два, уже выезжая в свет, молодой человек все еще вел жизнь полуробенка, живя в родительском доме и не располагая собственными денежными средствами. Около 18 лет он полностью переходил на положение самостоятельного человека, получая от родителей выделенную ему сумму собственного годового бюджета. Видимо, около 1813 г., когда Онегину исполнилось 18 лет, он зажил самостоятельно. На это указывает то, что, описывая «уединенный кабинет» (I, XXIII, 2) героя, автор указывает именно тот возраст Онегина, когда он покинул родительский кров, где в его распоряжении могли быть лишь детская и учебная комнаты, и завел себе модный

...кабинет
Философа в осьмнадцать лет (I, XXIII, 13–14).

С 1817 (или 1818) г. по весну 1820 г. – пребывание Ленского в Геттингене.

Ленский отправился в университет, вероятно, 15 лет. Ср. в «Русском Пеламе» слова героя о том, что его решили отослать «в один из немецких университетов... Мне тогда было 15 лет» (VIII, 417). Возвратился Ленский «в свою деревню в ту же пору» (2, VI, 1), что и Онегин, то есть весной 1820 г. Таким образом, его пребывание в Германии совпало с выступлением А. С. Стурдзы против вольнодумства в немецких университетах (Стурдза написал в 1818 г. по поручению Александра I для членов Аахенского конгресса брошюру – донос на немецкие университеты, чем вызвал эпиграмму *П* «Холоп венчанного солдата...») и с террористическим актом студента Карла Занда, заколовшего 23 марта 1819 г. агента русского правительства Коцебу (см. стихотворение *П* «Кинжал»).

Зима 1819 – весна 1820 г. – время действия первой главы.

Начальная дата определяется указанием *П* в предисловии к отдельному изданию главы (VI, 638), конечная – указанием на то, что встреча героя и автора произошла в Петербурге в 1820 г., в период «белых ночей»,

Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою (1, XLVII, 2–3).

В строфах L и LI содержится намек на то, что отъезд героя в деревню был по времени близок к насильственному удалению *П* из Петербурга. *П* выехал в ссылку 6 мая 1820 г.

Лето 1820 г. – время действия второй и третьей глав.

В первой строфе второй главы упомянуты «нивы золотые» как деталь пейзажа первых дней пребывания Онегина в деревне. Озимые хлеба желтеют в северозападных губерниях России в конце июня – начале июля. В строфе XVI третьей главы упоминается пение соловья, в конце главы во время объяснения Онегина с Татьяной дворовые девушки собирают ягоды.

Лето – осень 1820 г. – время действия четвертой главы.

Глава начинается той же сценой в саду. В строфе XL говорится о начале осени («Уж небо осенью дышало»), а в строфе XLII – о наступлении морозов («И вот уже трещат морозы»). Это, конечно, ранние морозы. «Первые морозы назывались *Михайловские*, потом были *Введен-*

ские» (Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842. С. 124), по дням архистратига Михаила (8 ноября ст. ст.) и Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября ст. ст.)⁴.

Ночь со 2 на 3 января – 12 января 1821 – время действия пятой главы.

Начальная дата указана автором в первой строфе главы («на третье в ночь»), конечная определена именинами Татьяны – днем великомученицы Татьяны.

25 декабря 1820 – 5 января 1821 – святочные праздники и гадания в доме Лариных.

Гадания, описанные в пятой главе, происходят между ночами на 4 января (упомянут снег – «чу... снег хрустит» – 5, IX, 9, а снег выпал лишь «на третье в ночь» – 5, I, 5) и на 6 января 1821 г., то есть в так называемые «страшные вечера» (между Васильевым днем и Крещением).

Ночь с 5 на 6 января – сон Татьяны.

Сон не мог быть ранее 4 января (см. выше) и позже 6-го: он связан с гаданиями святочного цикла, которые прекращались в день Крещения.

12 января – день именин Татьяны.

13 января – весна 1821 г. – время действия шестой главы.

14 января – дуэль и гибель Ленского. Весна 1821 – февраль 1822 г. – время действия седьмой главы.

Начальная дата определяется первыми стихами главы:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Таянье снегов в средней и северной полосе России происходит между началом марта (1 марта – день праведницы Евдокии, в народном календаре – «Авдотья-плющиха»; 9 марта, на «Сорок мучеников», праздновали начало весны) и серединой апреля, когда растаявший снег вызывает разливы рек (16 апреля – день Агафьи, Хионии, Ирины, в народном календаре – «Арина – урви берега»). Конечная дата может быть выведена из того, что в строфе ХLI княжна Алина сообщает как о недавнем событии, что «Грандисон» ее «в сочельник навестил». Сочельник (бывал «рождественский» и «крещенский») – канун зимних праздников Рождества или Крещения, то есть речь идет о предпраздничном визите конца 1821 или начала 1822 г. Между тем Ларины прибыли в Москву еще по зимнему, правда, позднему («проходит и последний срок» – 7, XXXI, 2) пути, то есть в феврале 1822 г.

Февраль – март 1821 г. – отъезд Онегина в Петербург.

Устанавливается на основании того, что во время переезда «деревенских Приамов» и «чувствительных дам» (7, IV, 5–6) в деревню Онегина там «уж нет» и «грустный он оставил след» (7, V, 13–14).

Лето 1821 г. – замужество Ольги и ее отъезд (7, VIII–XII).

Лето 1821 г. – посещение Татьяной деревенского кабинета Онегина и чтение книг в его библиотеке.

3 июля 1821 г. – отъезд Онегина из Петербурга (начало путешествия):

Июля 3 числа
Коляска венская в дорогу
Его по почте – понесла (VI, 476).

⁴ Следуя принятой традиции, все даты во внутренней хронологии «Евгения Онегина» даются по старому стилю.

Конец января – февраль 1822 г. – поездка Татьяны с матерью в Москву.

1822 г. (вероятно, осень) – замужество Татьяны.

Устанавливается на основании слов князя Н, который в 1824 г. говорит Онегину, что женат «около двух лет» (8, XVIII, 2).

Август – сентябрь 1823 г. – пребывание Онегина в Крыму:

Три года по<сле> вслед за мн<ою>
Скитаясь в той же стороне
Онегин вспом<нил обо мне> (VI, 489).

П был в Крыму с 15 августа по середину сентября 1820 г.

Осень 1823 г. – встреча Онегина и автора в Одессе.

Август 1824 г. – ссылка П в Михайловское и возвращение Онегина в Петербург.

<Недолго вместе мы бродили>
<По берегам Эвксинских вод>
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход
Онегин очень охлажденный
И тем что видел насыщенный
Пустился к неским берегам
А я от милых Южн<ых> дам
От <жирных> устриц черноморских
От оперы от темных лож
И слава богу от вельмож
Уехал в тень лесов Т<ригорских>
В далекий северн<ый> уезд
И был печален мой приезд (VI, 505).

П выехал из Одессы 31 июля 1824 г.

Осень 1824 – весна 1825 г. – время действия восьмой главы.

Март 1825 г. – конец романа.

XXXIX строфа восьмой главы рисует мартовский пейзаж Петербурга.

Проблема прототипов

Определение прототипов тех или иных персонажей *ЕО* занимало как читателей-современников, так и исследователей. В мемуарной и научной литературе накопился довольно обширный материал, посвященный попыткам связать героев пушкинского романа с теми или иными реально существовавшими лицами. Критический просмотр этих материалов заставляет крайне скептически отнестись и к степени их достоверности, и к самой плодотворности подобных поисков.

Одно дело, когда художественный образ содержит намек на некоторое реальное лицо и автор рассчитывает на то, что намек этот будет понят читателем. В этом случае такая отсылка составляет предмет изучения истории литературы. Другое дело, когда речь идет о бессознательном импульсе или скрытом творческом процессе, не адресованном читателю. Здесь мы вступаем в область психологии творчества. Природа этих явлений различна, однако оба они связаны со спецификой творческого мышления того или иного писателя. Поэтому, прежде чем искать прототипы, следует выяснить, во-первых, входило ли в художественный план писателя связывать своего героя в сознании читательской аудитории с какими-либо реальными лицами, хотел ли он, чтобы в его герое узнавали того или иного человека. Во-вторых, необходимо установить, в какой мере для данного писателя характерно исходить в своем творчестве из конкретных лиц. Таким образом, анализ принципов построения художественного текста должен доминировать над проблемой прототипов.

Это решительно противоречит наивному (а иногда и мещанскому) представлению о писателе как соглядатае, который «пропечатывает» своих знакомых. К сожалению, именно такой взгляд на творческий процесс отражается в огромном количестве мемуарных свидетельств. Приведем типичный пример – отрывок из воспоминаний М. И. Осиповой: «Как вы думаете, чем мы нередко его угощали? Мочеными яблоками, да они ведь и попали в “Онегина”; жила у нас в то время ключницей Акулина Амфиловна – ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи – Пушкину и захочется яблок; вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: “принеси да принеси моченых яблок”, – а та разворчит. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: “Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! завтра же вас произведу в попадьи”. И точно, под именем ее – чуть ли не в “Капитанской дочке” – и вывел попадью; а в мою честь, если хотите знать, названа сама героиня этой повести... Был у нас буфетчик Пимен Ильич – и тот попал в повесть» (Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 424). А. Н. Вульф записал в дневнике в 1833 г.: «...я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, “в губернии Псковской”. Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них» (Там же. С. 421). Из воспоминаний Е. Е. Синициной: «Чрез несколько лет встретила я в Торжке у Львова А. П. Керн, уже пожилою женщиною. Тогда мне и сказали, что это героиня Пушкина – Татьяна.

...и всех выше
И нос, и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

Эти стихи, говорили мне при этом, написаны про ее мужа, Керн, который был пожилым, когда женился на ней» (Там же. Т. 2. С. 83).

Высказывания эти столь же легко умножить, как и показать их необоснованность, преувеличенность или хронологическую невозможность. Однако сущность вопроса не в опроверже-

нии той или иной из многочисленных версий, потом многократно умножавшихся в околонушной литературе, а в самой потребности дать образам *ЕО* плоско-биографическое истолкование, объяснив их как простые портреты реальных знакомых автора. При этом вопрос о творческой психологии *П*, о художественных законах его текста и путях формирования образов полностью игнорируется. Такое неквалифицированное, но весьма устойчивое представление, питающее мещанский интерес к деталям биографии и заставляющее видеть в творчестве лишь цепь не лишенных пикантности интимных подробностей, заставляет вспомнить слова самого *П*, писавшего Вяземскому в связи с утратой записок Байрона: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе» (*XIII*, 243–244).

Об этом можно было бы не говорить, если бы реальный и имеющий научно-биографический интерес вопрос о прототипах пушкинских образов слишком часто не подменялся домыслами о том, кого из своих знакомцев *П* «вклеил» в роман⁵.

Отзвуки излишнего «биографизма» в понимании творческих процессов чувствуются даже во вполне серьезных и интересных исследованиях, таких, как ряд разысканий в специальном пушкинском номере альманаха «Прометей» (Т. 10. М., 1974). Проблема прототипов пушкинского романа нередко рассматривается с неоправданным вниманием в полезных популярных изданиях.

В связи с этим можно оставить без внимания рассуждения вроде: «Был ли у Татьяны Лариной реальный прототип? На протяжении многих лет ученые-пушкинисты не пришли к единому решению. В образе Татьяны нашли воплощение черты не одной, а многих современниц Пушкина. Может быть, мы обязаны рождением этого образа и черноокой красавице Марии Волконской, и задумчивой Евпраксии Вульф...»

Но в одном сходятся многие исследователи: в облике Татьяны-княгини есть черты графини, которую вспоминает Пушкин в «Домике в Коломне». Юный Пушкин, живя в Коломне, встречал молодую красавицу графиню в церкви на Покровской площади...» (*Раков Ю.* По следам литературных героев. М., 1974. С. 32). Хотелось бы лишь отметить, что на основании подобных цитат у неосведомленного читателя может создаться совершенно превратное впечатление относительно забот и занятий «ученых-пушкинистов».

Говоря о проблеме прототипов героев пушкинского романа, прежде всего следует отметить существенное различие с этой точки зрения в принципах построения центральных и периферийных персонажей. Центральные образы романа, несущие основную художественную нагрузку, – создание творческой фантазии автора. Конечно, воображение поэта опирается на реальность впечатления. Однако при этом оно лепит новый мир, переплавляя, сдвигая и перекраивая жизненные впечатления, ставя в своем воображении людей в ситуации, в которых реальная жизнь отказала им, и свободно комбинируя черты, разбросанные в действительности по различным, весьма отдаленным порой характерам. Поэт может увидеть в весьма различных людях (даже людях разного пола⁶) одного человека или в одном человеке нескольких раз-

⁵ Своеобразным пределом такого подхода явился роман Б. Иванова «Даль свободного романа» (М., 1959), в котором *П* представлен в облике нескромного газетного репортера, выносящего на обозрение публики интимнейшие стороны жизни реальных людей.

⁶ В этом смысле больше, чем домыслы о том, какую из знакомых ему барышень «изобразил» *П* в Татьяне, могут дать парадоксальные, но глубокие слова Кюхельбекера: «Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну. Для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и знает его наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин переполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет» (Кюхельбекер-1. С. 99–100). Прообразом Татьяны восьмой главы тонкий, хотя и склонный к парадоксам, близко знающий автора Кюхельбекер считал... самого Пушкина! На проницательность этого высказывания указал Н. И. Мордовченко (см.: *Мордовченко Н. И.* «Евгений Онегин» – энциклопедия

личных людей. Особенно это существенно для типизации в *ЕО*, где автор сознательно строит характеры центральных персонажей как сложные и наделенные противоречивыми чертами. В этом случае говорить о прототипах можно лишь с большой осторожностью, постоянно имея в виду приблизительность таких утверждений. Так, сам *П*, встретив в Одессе доброго, светского, но пустого малого, своего дальнего родственника М. Д. Бутурлина, которого родители оберегали от «опасного» знакомства с опальным поэтом, говаривал ему: «Мой Онегин (он только что начал его тогда писать), это ты, cousin» (*Бутурлин*. С. 15). Тем не менее слова эти ничего или мало что означают, а в образе Онегина можно найти десятки сближений с различными современниками поэта – от пустых светских знакомцев до таких значимых для *П* лиц, как Чаадаев или Александр Раевский. То же следует сказать и о Татьяне.

Образ Ленского расположен несколько ближе к периферии романа, и в этом смысле может показаться, что поиски определенных прототипов здесь более обоснованны. Однако энергичное сближение Ленского с Кюхельбекером, произведенное Ю. Н. Тыняновым (Пушкин и его современники. С. 233–294), лучше всего убеждает в том, что попытки дать поэту-романтику в *ЕО* некоторый единый и однозначный прототип к убедительным результатам не приводят.

Иначе строится в романе (особенно в начале его) литературный фон: стремясь окружить своих героев неким реальным, а не условно-литературным пространством, *П* вводит их в мир, наполненный лицами, персонально известными и ему, и читателям. Это был тот же путь, по которому шел Грибоедов, окруживший своих героев толпой персонажей с прозрачными прототипами.

Природа художественных переживаний читателя, следящего за судьбой вымышленного героя или узнающего в персонаже слегка загримированного своего знакомого, весьма различна. Автору *ЕО*, как и автору «Горя от ума», было важным смешение этих двух типов читательского восприятия. Именно оно составляло ту двуединую формулу иллюзии действительности, которая обуславливала одновременно и сознание того, что герои – плоды творческой фантазии автора, и веру в их реальность. Такая поэтика позволяла в одних местах романа подчеркивать, что судьба героев, их будущее целиком зависят от произвола автора («я думал уж о форме плана» – *1, LX, 1*), а в других – представлять их как своих знакомых, чья судьба ему известна из бесед во время личных встреч и чьи письма случайно попали ему в руки («письмо Татьяны предо мною» – *3, XXXI, 1*). Но для того чтобы такая игра между условностью и реальностью сделалась возможной, автору было необходимо четко разграничить приемы типизации героев, являющихся созданием творческого воображения автора, и героев – условных масок реальных лиц. Реальный человек как исходный импульс авторской мысли мог существовать в обоих случаях. Но в одном – читателю до него нет никакого дела, а в другом – читатель должен был его узнавать и постоянно иметь перед глазами.

В свете сказанного следует понимать и заключительные стихи романа:

А та, с которой образован
Татьяны милый Идеал...
О много, много Рок отъял! (*8, LI, 6–8*).

Нужно ли здесь полагать, что автор проговорился против своего желания, и, ухватившись за эту улику, начинать следствие по делу об утаенной любви или же предполагать, что обмолвка входит в сознательный авторский расчет, что автор не обмолвился, а «как бы обмолвился», желая возбудить в читателе определенные ассоциации? Являются ли эти стихи частью биографии поэта или частью художественного целого *ЕО*?

Обрывая роман как бы на полуслове, *П* психологически завершил его обращением ко времени начала работы над первой главой, воскрешая атмосферу тех лет. Такое обращение перекликалось не только с творчеством *П* южного периода, но и было контрастно соотнесено с началом восьмой главы, где раскрывалась тема эволюции автора и его поэзии. Развитие этой мысли – прямое противопоставление «высокопарных мечтаний» романтического периода и «прозаических бредней» зрелого творчества – читатель находил в «Отрывках из путешествия Онегина», композиционно расположенных уже после конечных строф восьмой главы и как бы вносящих в эти строфы коррективы. Читатель получал как бы два варианта итога авторской мысли: заключение восьмой главы (и романа в целом) утверждало непреходящую ценность жизненного опыта и творчества ранней молодости – «путешествие» говорило противоположное:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи... (VI, 200)

Эти положения не отменяли одно другое и не были взаимным опровержением, а бросали взаимный дополнительный смысловой ответ. Такая диалогическая соотнесенность касается и интересующего нас вопроса: в концовке восьмой главы восстанавливался столь важный для «южного» творчества миф об утаенной любви – один из основных составляющих элементов жизненной позы романтического поэта («А та, с которой образован...»).

Читателю не надо было делать усилий, чтобы припомнить намеки на «безымянную любовь», разбросанные в пушкинском творчестве романтического периода. Призрак этой любви, воскрешенный в конце романа со всей силой лиризма, сталкивался в «путешествии» с ироническими строками о «безымянных страданиях», оцененных как «высокопарные мечтанья» (VI, 200).

Мы не знаем, имел ли в виду *П* в последней строфе романа реальную женщину или это поэтическая фикция: для понимания образа Татьяны это абсолютно безразлично, а для осмысления этой строфы достаточно знать, что автор счел необходимым напомнить о романтическом культе утаенной любви.

Именно потому, что главные герои *ЕО* не имели прямых прообразов в жизни, они исключительно легко сделались для современников психологическими эталонами: сопоставление себя или своих близких с героями романа становилось средством объяснения своего и их характеров. Пример в этом отношении подал сам автор: в условном языке разговоров и переписке с А. Н. Раевским *П*, видимо, именовал «Татьяной» какую-то близкую ему женщину (высказывалось предположение, что Воронцову; справедливые сомнения в этом см.: *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л., 1974. С. 74). Следуя этому условному употреблению, А. Раевский писал *П*: «...сейчас расскажу вам о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастье; она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали; она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны» (XIII, 106 и 530). Очевидно, что речь идет не о прототипе Татьяны Лариной, а о перенесении образа романа в жизнь. Аналогичный пример – имя Тани, под которым фигурирует Н. Д. Фонвизина в письмах И. И. Пущина к ней и в ее собственных письмах к нему. Н. П. Чулков писал: «Таней Фонвизина себя называет потому, что, по ее мнению, Пушкин с нее написал свою Татьяну Ларину. Действительно, в ее жизни было много сходства с героиней

Пушкина: в юности у нее был роман с молодым человеком, который от нее отказался (правда, по другим причинам, нежели Онегин), затем она вышла замуж за пожилого генерала, страстно в нее влюбленного, и вскоре встретила с прежним предметом своей любви, который в нее влюбился, но был ею отвергнут» (Декабристы // Государственный литературный музей. Летописи. Кн. III. М., 1938. С. 364).

Обилие «применений» образов Татьяны и Онегина к реальным людям показывает, что сложные токи связи шли не только от реальных человеческих судеб к роману, но и от романа к жизни.

Исчерпать онегинский текст невозможно. Сколь подробно ни останавливались бы мы на политических намеках, многозначительных умолчаниях, бытовых реалиях или литературных ассоциациях, комментирование которых проясняет различные стороны смысла пушкинских строк, всегда остается место для новых вопросов и для поисков ответов на них. Дело здесь не только в неполноте наших знаний, хотя чем более трудишься над приближением текста к современному читателю, тем в большей мере с грустью убеждаешься в том, сколь многое забыто, и частично забыто бесповоротно. Дело в том, что литературное произведение, пока оно непосредственно волнует читателя, живо, то есть изменчиво. Его динамическое развитие не прекратилось, и к каждому поколению читателей оно оборачивается какой-то новой гранью. Из этого следует, что каждое новое поколение обращается к произведению с новыми вопросами, открывая загадки там, где прежде все казалось ясным. В этом процессе две стороны. С одной – читатели новых поколений больше забывают, и поэтому прежде понятное делается для них темным. Но с другой стороны, новые поколения, обогащенные историческим, порой купленным тяжелой ценой опытом, глубже понимают привычные строки. Казалось бы, зачитанные и заученные стихи для них неожиданно открываются непонятными прежде глубинами. Понятное превращается в загадку потому, что читающий обрел новый и более глубокий взгляд на мир и литературу. А новые вопросы ждут нового комментатора. Поэтому живое произведение искусства нельзя прокомментировать «до конца», как нельзя его «до конца» объяснить ни в каком литературоведческом труде.

В романе Л. Н. Толстого «Декабристы» вернувшаяся из Сибири декабристка, сравнивая старого мужа с сыном, говорит: «Сережа моложе чувствами, но душой ты моложе его. Что он сделает, я могу предвидеть, но ты еще можешь удивить меня». Это можно применить ко многим романам, написанным после «Евгения Онегина». Что они «сделают», мы часто можем предвидеть, но пушкинский роман в стихах «еще может нас удивить». И тогда потребуются новые комментарии.

Очерк дворянского быта онегинской поры

Известное определение Белинского, назвавшего *ЕО* «энциклопедией русской жизни», подчеркнуло совершенно особую роль бытовых представлений в структуре пушкинского романа. Конкретизируя этот тезис, Г. А. Гуковский писал: «...уже самое количество бытовых тем и материалов принципиально отличает пушкинский роман от предшествующей литературы. В “Евгении Онегине” перед читателем проходит серия бытовых явлений, нравоописательных деталей, вещей, одежд, цветов, блюд, обычаев». И далее: «Не в том заключено реалистическое новаторство “Евгения Онегина”, что в нем описан быт, неоднократно изображенный до него русскими поэтами, которых мы не захотим и не сможем отнести к реалистам, а в том, что бытовой материал истолкован Пушкиным иначе, чем его предшественниками, по-новому, реалистически, то есть в качестве типического, идейно обосновывающего человека и его судьбу» (Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 140, 146).

Одной из особенностей бытописания в *ЕО*, весьма существенной при комментировании романа, является то, что знание бытовых реалий необходимо для понимания текста даже тогда, когда они непосредственно не упоминаются или лишь мелькают в виде кратких отсылок, намеков на то, что было с полуслова понятно и автору, и современному ему читателю. В этих случаях необходимые пояснения трудно приурочить к какому-либо определенному слову или стиху, не создавая впечатления искусственности. А между тем отказаться от бытовых пояснений без ущерба для читателя нельзя. Это заставляет нас вынести характеристику некоторых черт дворянского быта онегинской эпохи в отдельный очерк, давая в построчном комментарии отсылки на соответствующие страницы. При этом мы, разумеется, не ставим перед собой цели характеризовать быт эпохи как таковой – внимание будет привлекаться лишь к тем его сторонам, которые прямо или косвенно отразились в тексте пушкинского романа. В тех случаях, когда в тексте *ЕО* упоминаются конкретные факты быта и рассказ о них не рассредоточен по разным местам романа, а сконцентрирован в определенном месте, пояснения даются в разделе построчного комментария.

Хозяйство и имущественное положение

Русское дворянство было сословием душе- и землевладельцев. Владение поместьями и крепостными крестьянами составляло одновременно сословную привилегию дворян и было мерилем богатства, общественного положения и престижа. Это, в частности, приводило к тому, что стремление увеличивать число душ доминировало над попытками повысить доходность поместья путем рационального землепользования.

Герои *ЕО* довольно четко охарактеризованы в отношении их имущественного положения. Отец Онегина «промотался» (1, III, 4), сам герой романа, после получения наследства от дяди, видимо, сделался богатым помещиком:

Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный... (1, LIII, 10–11).

Характеристика Ленского начинается с указания, что он «богат» (2, XII, 1). Ларины же не были богаты. В первоначальных набросках Ольга характеризовалась как «меньшая дочь соседей бедных» или «ребенок, дочь соседей бедных» (VI, 287). В дальнейшем эта характеристика была снята, но остались жалобы Прасковьи Лариной на то, что для поездки в Москву «доходу мало» (7, XXVI, 12). Зато выйдя за князя N, Татьяна сделалась «богата и знатна» (8, XLIV, 8). Старшая Ларина, вдова екатерининского бригадира, скорее всего, была помещицей среднего достатка. Что это означало?

По имущественному положению различались мелкопоместные (до 80–100 душ), среднепоместные (число душ которых исчислялось сотнями) и крупнопоместные (около тысячи душ) дворяне. Кроме того, имелась количественно небольшая, но стоящая на вершинах власти и жизни группа помещиков, имущество которых насчитывало десятки или даже сотни тысяч душ. Иерархия душевладения в значительной мере определяла общественное положение. Так, Н. Макаров в своих воспоминаниях о начале XIX в. приводит колоритный пример – костромского помещика, властного вельможу П. А. Шипова, державшего в руках всю губернию и прозванного за это «солигалическим императором»: «У него было три формулы обращения с разными лицами. Дворянам, владеющим не менее двухсот душ и более, он протягивал свою руку и говорил сладчайшим голосом: “Как вы поживаете, почтеннейший Мартьян Прокофьевич?” Дворянам с восьмьюдесятью и до двухсот душ он делал только легкий поклон и говорил голосом сладким, но не сладчайшим: “Здоровы ли вы, мой почтеннейший Иван Иванович?” Всем остальным, имевшим менее восьмидесяти душ, он только кивал головою и говорил просто голосом приятным: “Здравствуйте, мой любезнейший...”» (Макаров Н. Мои семидесятилетние воспоминания... СПб., 1881. Ч. 1. С. 23–24).

Тема богатства оказывается связанной с мотивом разорения. Слова «долги», «зalog», «заимодавцы» встречаются уже в первых строках романа.

Долги, проценты по залогам, перезакладывание уже заложенных имений было уделом отнюдь не только бедных или стоящих на грани краха помещиков. Более того, именно мелкие и средние провинциальные помещики, менее нуждающиеся в деньгах на покупку предметов роскоши и дорогостоящих импортных товаров и довольствующиеся «домашним припасом», реже входили в долги и прибегали к разорительным финансовым операциям. Между тем столичное дворянство, начиная с екатерининских времен, поголовно было в долгах. Фонвизин во «Всеобщей придворной грамматике» писал: «Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным...*» Он же спрашивал Екатерину II: «Отчего все в долгах?» – и получил ответ: «Оттого в долгах, что проживают более, нежели

дохода имеют» (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 51, 272). Жалобы на долги составляют постоянный мотив в многочисленных документах XVIII – начала XIX в.

Дело было не только в дороговизне предметов роскоши и относительной дешевизне продуктов помещичьего хозяйства; страдали от долгов богатейшие вельможи, получавшие от правительства огромные подарки землями, деньгами и крепостными душами. Так, канцлер граф М. И. Воронцов получал огромные подарки от правительства. В 1763 г. Екатерина выплатила за фиктивно купленный у него дом – дом остался за графом – 217 000 руб., ему было «уступлено» 190 000 гульденов долгу Голландской республики России, при увольнении от должности он получил 50 000 руб. и пожизненной пенсии – 7000 руб. в год. Однако, по выражению исследователя, он из-за долгов бился «всю жизнь как рыба об лед» (*Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 263). Огромные долги обнаружились после смерти Потемкина, хотя состояние его было неисчислимо. По данным английского посланника Гарриса, Потемкин лишь за два года получил 37 тысяч душ и 9 млн руб., а француз Кастера считал, что он получил подарков на 50 млн руб. не считая беззастенчивых краж и злоупотреблений (см.: Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 240).

Одной из причин всеобщей задолженности было сложившееся в царствование Екатерины II представление о том, что «истинно дворянское» поведение заключается не просто в больших тратах, а в тратах не по средствам. Стремление нового поколения 1830-х гг. «с расходом свести приход» (III, 219) даже II воспринимал с известной грустью как утрату поэзии дворянского века. В записках И. Ф. Тимковского зафиксирован разговор богатейших русских магнатов: графа Ф. В. Растопчина, вице-канцлера князя П. А. Голицына и графа Н. Н. Головина: «Произошел большой разговор <...> о балансе доходов и расходов, судимых категорически, от мала до велика. Жить, говорили, по доходам невозможно. Подражание и уравнивание гонят вперед. Вы увидите подле себя человека с маленьким состоянием в таком же сукне, какое на вас. Не все же имеют доходы, сколько им надобно. Не всякий подымает их по расходам (показательно в психологическом отношении, что не расходы подгоняются к доходам, а доходы стремятся подверстать под расходы! – Ю. Л.). Мне кажется, однако, сказал другой, воля как воля; все то делает своя невозддержимая охота. – Поэтому граф Александр Сергеевич Строганов только счастливец, когда государыня, представляя императору Иосифу своих вельмож, могла сказать об нем: “Это у меня магнат, который старается весь век разориться, но не может”. – Да, сказал еще другой, хорошо ему, получая миллион доходу (тогда курсом на серебро⁷), а я получаю всего 100 тысяч, чем мне жить!» (Русский архив. 1874. Кн. I. Стб. 1463). Ср. в «Русском Пелаге» II: «Отец имел 5000 душ. Следственно был из тех дворян, которых покойный гр. Шереметев называл мелкопоместными, удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить! – Дело в том, что отец мой жил не хуже графа Шереметева, хотя был ровно в 20 раз беднее. Москвичи помнят еще его обеды, домашний театр и роговую музыку» (VIII, 416).

Повышение доходности хозяйства путем увеличения его производительности противоречило как природе крепостного труда, так и психологии дворянина-помещика, который предпочитал идти по более легкому пути роста крестьянских повинностей и оброков. Давая единовременный эффект повышения дохода, эта мера в конечном итоге разоряла крестьян и самого помещика, хотя умение выжимать из крестьян деньги считалось среди средних и мелких помещиков основой хозяйственного искусства. В ЕО упомянут

Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков (5, XXVI, 3–4).

⁷ По манифесту 20 июня 1810 г. серебряный рубль равнялся 4 руб. ассигнациями, то есть речь шла о 4 млн руб. ассигнациями.

Рационализация хозяйства не вязалась с природой крепостного труда и чаще всего оставалась барской причудой. Так, Растопчин выписал из Англии специалиста-фермера, применял удобрения и завел вслед за известным англоманом Д. М. Полторацким вместо сохи английский плуг. Однако тот же Растопчин в 1806 г. выпустил в Москве брошюру «Плуг и соха», в которой отстаивал отечественную соху перед иностранным плугом. Брошюра имела два эпиграфа. Первый: «Отцы наши не глупее нас были». И второй, в стихах, который кончался так:

Служил в войне, делах, теперь служу с сохой.
Я пользы общества всегда был верный друг,
Хочу уверить в том и восстаю на плуг.

(См.: Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. СПб., 1912. С. 18–185).

Более верными способами «подымать доходы по расходам» были различные формы пожалований от правительства. Они бывали особенно значительны в XVIII в. М. И. Воронцов писал Елизавете: «Мы все верные ваши рабы без милости и награждения вашего императорского величества прожить не можем. И я не единого дома фамилии в государстве не знаю, который бы собственно без награждения монаршеских щедрот себя содержал» (*Карнович Е. П.* Указ. соч. С. 259). Огромные пожалования производились при Екатерине II и Павле I, однако Александр I был скуп на денежные и земельные награды.

Причиной образования долгов было не только стремление «жить по-дворянски», то есть не по средствам, но и потребность иметь в своем распоряжении свободные деньги. Крепостное хозяйство – в значительной мере барщинное – давало доходы в виде продуктов крестьянского труда («простой продукт» – I, VII, 12), а столичная жизнь требовала денег. Сбывать сельскохозяйственные продукты и получать за них деньги было для обычного помещика, особенно богатого столичного жителя, ведущего барский образ жизни, непривычно и хлопотно.

Долги могли образоваться от частных займов и залога поместий в банк (ср.: «...освободился / От частных и других долгов...» – 8, X, 9–10). Первые образовывались при одалживании денег (многие дворяне не стеснялись ссужать деньги под проценты: Растопчин в письмах упоминал «нежных друзей», дававших ему деньги займы из 12 % годовых), вторые – от закладывания имений. Одалживая же под залог крепостных душ и земельной собственности большую сумму, помещик сразу соблазнительно просто получал в свои руки нужное ему количество денег. Именно по этому, привычному, но ведущему к разорению пути и шел отец Евгения. В 1754 г. был учрежден Дворянский банк, который в 1786 г. был по указу Екатерины II переименован в Государственный заемный банк для дворян и городов. В указе говорилось: «От дворян принимать под залог деревни, полагая 40 р. за душу <...> Дворяне закладывают имения на 20 лет по 5 процентов, а 3 процента идет на уплату капитала, итого 8 процентов» (*Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 565–566). Жить на средства, полученные при закладе имения, называлось «жить долгами». Такой способ был прямым путем к разорению. Предполагалось, что дворянин на полученные при закладе деньги приобретет новые поместья или улучшит состояние старых и, повысив таким образом свой доход, получит средства на уплату процентов и выкуп поместья из залога. Однако в большинстве случаев дворяне проживали полученные в банке суммы, тратя их на покупку или строительство домов в столице, туалеты, балы («давал три бала ежегодно» – I, III, 3 – для не слишком богатого дворянина, не имеющего в доме дочерей-невест, три бала в год – неоправданная роскошь). Это приводило к перезакладыванию уже заложенных имений, что влекло за собой удвоение процентов, которые начинали поглощать значительную часть ежегодных доходов от деревень. Приходилось делать долги, вырубать леса, продавать еще не заложенные деревни и т. д.

Неудивительно, что, когда отец Онегина, который вел хозяйство именно таким образом, скончался, выяснилось, что наследство обременено большими долгами:

Перед Онегиным собрался
Займодавцев жадный полк (I, LI, 6–7).

В этом случае наследник мог принять наследство и вместе с ним взять на себя долги отца или отказаться от него, предоставив кредиторам самим улаживать счета между собой. Первое решение диктовалось чувством чести, желанием не запятнать доброе имя отца или сохранить родовое имение (последнее обстоятельство играло значительную роль: не случайно закон предусматривал льготы по выкупу родовых имуществ, такой выкуп входил в круг дворянских прав; следуя этой традиции, опека выкупила проданное за долги в 1837 г. Михайловское и возвратила его во владение детей уже погибшего к этому времени поэта). Именно так поступил после смерти отца Николай Ростов, движимый чувствами родовой чести. Легкомысленный же Онегин пошел по второму пути.

Получение наследства было не последним средством поправить расстроенные дела. Молодым людям охотно верили в долг рестораторы, портные, владельцы магазинов в расчете на их «грядущие доходы» (V, 6). Поэтому молодой человек из богатой семьи мог без больших денег вести в Петербурге безбедное существование при наличии надежд на наследство и известной беззастенчивости. Так, Лев Сергеевич, брат поэта, жил в Петербурге без копейки денег, но задолжал в рестораны 260 руб., нанимал в долг квартиру в доме Энгельгардта за 1330 руб. в год, делал подарки, вел карточную игру (долги оплатил позже А. С. Пушкин). Молодость – время надежд на наследство – была как бы узаконенным периодом долгов, от которых во вторую половину жизни следовало освобождаться, став «наследником <...> своих родных» (7, II, 4) или выгодно женившись. Рисуя рутинную смену возрастных норм поведения, П писал:

Блажен <...>
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов... (8, X, 1–10)

Образование и служба дворян

В записке «О народном воспитании», составленной в 1826 г., *П* писал: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок окружен одними холопами, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем» (*XI, 44*).

Характерной фигурой домашнего воспитания был француз-гувернер. В наброске «Русский Пелам» *П* дал картину такого образования: «Отец конечно меня любил, но вовсе обо мне не беспокоился и оставил меня на попечение французов, которых беспрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернер оказался пьяницей; второй, человек не глупый и не без сведений, имел такой бешеный нрав, что однажды чуть не убил меня поленом за то, что пролил я чернила на его жилет; третий, проживший у нас целый год, был сумасшедший, и в доме тогда только догадались о том, когда пришел он жаловаться Анне Петровне на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клопов со всего дому не давать ему покою, и что сверх того чертенок повадился вить гнезда в его колпаке» (*VIII, 416*).

Русский язык, словесность и историю, а также танцы, верховую езду и фехтование преподавали специальные учителя, которых приглашали «по билетам» (ср.: «Берем же побродяг, и в дом и по билетам» – «Горе от ума», д. 1, явл. 4). Учитель сменял гувернера. Так, для происходившего из дворянской семьи среднего достатка Ф. Я. Мирковича, когда ему исполнилось 5 лет, родители взяли француза-гувернера Бальзо. «Бальзо смотрел попечительно и старательно за мною и братом, учил нас французскому языку, который тогда я знал тверже родного». Однако, когда Мирковичу исполнилось 13 лет, ему взяли профессионального учителя: «Будри был родом швейцарец, выписанный в царствование Екатерины князем Салтыковым для воспитания его сына. Окончив оное, Будри женился на русской и остался в России. Он был родной брат кровожадного Марата...» (*Миркович. С. 9, 14*). Этот де Будри позднее был преподавателем у *П* в Лицее.

Француз-гувернер и француз-учитель редко серьезно относились к своим педагогическим обязанностям. Такие люди, как Жильбер Ромм (известный математик, якобинец, воспитатель П. А. Строганова), де Будри, лингвист Модрю (несмотря на резкую и справедливую критику его русской грамматики Карамзиным), были редкостью. Не только русская сатирическая литература, но и свидетельства самих французов, посещавших Россию в конце XVIII – начале XIX в., изобилуют анекдотическими сообщениями. Тут рассказы и о французе, который преподавал французскую грамматику, но, будучи подвергнут сам профессиональному экзамену, на вопрос о наклонениях (по-французски «mode») французских глаголов отвечал, что давно покинул Париж, а моды там постоянно меняются, и о том, как французский посол в 1770 г. узнал в Петербурге в одном учителе своего бывшего кучера, а начальник кадетского корпуса Ангальт – бывшего барабанщика своего полка, которого он лично приговорил к телесному наказанию.

Если в XVIII в. (до французской революции 1789 г.) претендентами на учительские места в России были, главным образом, мелкие жулики и авантюристы, актеры, парикмахеры, беглые солдаты и просто люди неопределенных занятий, то после революции за границами Франции оказались тысячи аристократов-эмигрантов и в России возник новый тип учителя-француза. Характерный его портрет рисует в своих мемуарах Ф. Ф. Вигель: «...наш гувернер, шевалье де-Ролен-де-Бельвиль, французский подполковник, человек лет сорока. Не слишком молодой, умный и весьма осторожный, сей повеса старался со всеми быть любезен и умел всем нравиться, старым и молодым, господам и даже слугам. Обхождение его со мною с самой первой

минуты меня пленило <...> Об отечестве своем говорил как все французы, без чувства, но с хвастовством, и с состраданием, более чем с презрением, о нашем варварстве. Мало-помалу приучил он меня видеть во Франции прекраснейшую из земель, вечно озаренную блеском солнца и ума, а в ее жителях избранный народ, над всеми другими поставленный. Революционеры, новые титаны, по словам его, только временно овладели сим Олимпом, но подобно им, будут низвергнуты в бездну. При слове религия он с улыбкой потуплял глаза, не позволяя себе однако же ничего против нее говорить; как средством, видно, по мнению его, пренебрегать ею было нельзя <...> Посреди сих разговоров вдруг начал он заводить со мною нескромные речи и рассказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты <...> Он был высок и сухощав, имел самые маленькие серые сверкающие глаза и огромный нос, который, описывая правильную дугу, составлял четверть круга. Он был чрезвычайно опрятен и никогда не покидал крестика святого Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства старинного дворянства» (*Вигель*. Т. 1. С. 81–82). Если прибавить, что именно этот шевалье развил в Вигеле противоестественные наклонности, картина получится достаточно выразительная. Известен случай, когда появившийся в России беглый каторжник-француз, демонстрируя бурбонский герб на своем плече (уголовным преступникам в дореволюционной Франции палач выжигал на плече клеймо – королевскую лилию), уверял русских помещиков, что этим знаком отметили себя принцы крови, чтобы узнавать друг друга в эмиграции. Мнимому принцу воздавались доверчивыми провинциалами королевские почести, и он чуть было не женился на дочери своего гостеприимного хозяина (*Pingaud L. Les francais en Russie et les russes en France. Paris, 1886. P. 89*).

Альтернативой домашнему воспитанию, дорогому и малоудовлетворительному, были частные пансионы и государственные училища. Частные пансионы, как и уроки домашних учителей, не имели ни общей программы, ни каких-либо единых требований. На одном полюсе здесь стояли дорогостоящие и привилегированные столичные пансионы, открытые для доступа лишь детям из аристократического круга. Таков был, например, известный пансион аббата Николя. Вигель вспоминал: «Тайный иезуит, аббат Николь, завел в Петербурге аристократический пансион. Он объявил, что сыновья вельмож одни только в нем будут воспитываться; и сколько с намерением затруднить вступление в него детям небогатых состояний, столько из видов корысти положил невероятную плату: ежегодно по 1500 рублей, нынешних шесть тысяч» (*Вигель*. Т. 1. С. 91–92). В этом учебном заведении воспитывались будущие декабристы М. Ф. Орлов и С. Г. Волконский, дети из аристократических фамилий: Голицыны, Нарышкины, Меншиковы, сюда же были отданы Александр и Константин Бенкендорфы, сыновья подруги императрицы Марии Федоровны, лезшие из кожи, чтобы попасть в аристократию. Из пансиона Николя вышли не только будущие декабристы, но и будущий шеф корпуса жандармов. Наряду с эффектно составленной учебной программой, иезуиты умело занимались пропагандой католицизма – многие из воспитанников в будущем сделались католиками. Николь, который, «воспитывая русскую молодежь, верил, что трудится также для Франции» (*Pingaud. Op. cit. P. 234*), сумел привлечь на свою сторону и русскую аристократию, находившуюся в значительной мере под влиянием эмигрантов – сторонников «старого режима» (таких, как графиня Головина), и молодых либералов из ближайшего окружения Александра I, и таких завязых врагов галломании, как Растопчин, писавший ему: «Когда речь идет о гербах или качестве вина, я охотно советуюсь с г.*** и г.***. Но, когда дело касается воспитания, я обращаюсь к Вам, г. аббат. Надеюсь, что этим я доказал Вам, насколько я люблю мое дитя» (*Pingaud. Op. cit. P. 235*). *П* многое знал о пансионе Николя. И не только по разговорам современников – его самого в 1811 г. собирались поместить в «Иезуитский коллегиум в Петербурге». В «Программе автобиографии» *П* записал: «Меня везут в П<етер>Б<ург> Езуиты. Тургенев. Лицей» (*XII, 308*).

На другом полюсе находились плохо организованные провинциальные пансионы. Представление о них дают воспоминания В. Н. Карпова о харьковских пансионах начала XIX в.: «Пансион Якимова шел в параллель с пансионом для девиц. В этом пансионе учились тихонько, не спеша, а между тем с успехом переходили из класса в класс на радость родителям и на пользу отечеству. Но этот пансион недолго существовал и был закрыт вследствие происшедшей в Основянском бору дуэли надзирателя Фейерзена с учителем географии Филаткиным за красавицу жену Якимова <...> Пансион “Немца” более других требует, чтобы на нем остановиться. О “Немце” ходили тогда легенды, будто он был привезен стариком Кузиным в Россию в качестве камердинера. По ходатайству Кузина он был записан на русскую службу и, получивши первый чин, получил право на открытие пансиона <...> Это был человек высокого роста, худой, с желтым лицом, раздражительный, суровый на вид, с седыми, нависшими на глаза бровями и с весьма плохим мнением о русских детях. Он их открыто называл нагледцами и бездарными животными. “Die russischen Kinder das ist etwas unmögliches, darum sie sind alle dummköpfig!” (“русские дети – это нечто невозможное, все они тупоголовые”) – был его постоянный и обыкновенный отзыв о всех русских детях, И вот этому лицу и было вручено воспитание русского юношества. Бедное русское юношество!» (Карпов В. Н. Воспоминания; Шипов Ник. История моей жизни. М.; Л., 1933. С. 148–149).

В значительно большем порядке находились государственные учебные заведения.

Большинство русских дворян по традиции готовили своих детей к военному поприщу. По указу 21 марта 1805 г. в обеих столицах и ряде провинциальных городов (Смоленске, Киеве, Воронеже и др.) были открыты начальные военные училища в количестве «15 рот». В них зачислялись дети «от 7 до 9-летнего возраста, которые, пробыв в училище 7 лет, переводятся для довершения воспитания в высшие кадетские корпуса. Для окончания военного воспитания благородное юношество поступает в два высшие кадетские корпуса в Петербурге» (Яблочков М. Указ. соч. С. 603). Кроме двух – Первого и Второго – петербургских кадетских корпусов, среднее военное образование молодые люди могли получить в Пажеском корпусе, в так называемом Дворянском полку (в будущем Константиновское военное училище), в Морском кадетском корпусе или в Школе колонновожатых – учебном заведении для подготовки квалифицированных штабных офицеров. Показательно, что из 456 лиц, внесенных в «Алфавит декабристов» – список лиц, которые привлекались к следствию по делу декабристов, составленный для Николая I по инициативе Бенкендорфа, – 125 окончили военные заведения: 30 человек – Морской корпус, 28 – Пажеский (среди них – Пестель), 24 – Школу колонновожатых (среди них – Н. В. Басаргин, Арт. З. Муравьев, Н. А. Крюков, П. А. Муханов и др.). Рылеев закончил Первый кадетский корпус.

Для получения первого офицерского чина не обязательно было иметь военное образование: военные науки преподавались в ряде гражданских учебных заведений, а некоторые из дворян брали домашние уроки или слушали частные лекции по военным предметам. Студент из дворян по указу 3 ноября 1806 г. лишь три месяца служил рядовым и три месяца подпрапорщиком, после чего получал офицерский чин. Правда, в одном из самых первых своих указов (8 апреля 1801 г.) Александр I повелел «неграмотных [дворян] принимать рядовыми».

Военное поприще представлялось настолько естественным для дворянина, что отсутствие этой черты в биографии должно было иметь какое-либо специальное объяснение: болезнь или физический недостаток, скупость родителей, не дававшую определить сына в гвардию (в соединении с фамильным чванством, отвергавшим слишком «низкую» карьеру армейского офицера), фамильные связи в дипломатическом мире. Большинство штатских чиновников или неслужащих дворян имели в своей биографии хотя бы краткий период, когда они носили военный мундир. Достаточно просмотреть список знакомых П, чтобы убедиться, что он был и в Петербурге после Лицея, и в Кишиневе, и в Одессе окружен военными – среди его знакомых лишь единицы никогда не носили мундира.

На таком фоне биография Онегина приобретала демонстративный оттенок, ускользающий от внимания современного читателя. Показательно, что в образе хронологически и типологически близкого к Онегину Чацкого угадывалось недавнее военное прошлое («Не в прошлом ли году, в конце, / В полку тебя я знал?» – д. III, явл. 6). Письмо П. А. А. Бестужеву, в котором о Молчалине сказано: «Штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен», – показывает, что понятие «штатский» соединялось для автора *ЕО* с Молчалиным, но не с Чацким (см. XIII, 138).

Характер образования был, как правило, связан с тем родом службы, для которой родители предназначали своего сына. Штатская служба в престижном отношении стояла значительно ниже военной. Однако в ее пределах имелись существенные отличия с точки зрения ценности в глазах современников. К наиболее «благородным» относили дипломатическую службу. Гоголь в «Невском проспекте» иронически писал, что чиновники иностранной коллегии «отличаются благородством своих занятий и привычек», и восклицал: «Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и услаждают душу!»

Штатскими высшими учебными заведениями были университеты. В начале XIX в. их было в России пять: Московский, Дерптский, Виленский, Казанский и Харьковский. При университетах имелись подготовительные училища – пансионы. Наиболее известным был пансион при Московском университете, в котором учились братья Тургеневы, Жуковский, Грибоедов и многие другие знакомые П. Благородные пансионы (пансионы для дворянских детей) имелись и при других учебных заведениях высшего типа: при Царскосельском лицее, Главном педагогическом институте в Петербурге.

При вступлении в службу такие же права, как и университеты, давали лицеи: Демидовский в Ярославле (кандидаты – так именовались окончившие лицей с отличием – вступали в службу чиновниками 12-го класса, а остальные студенты – 14-го), Царскосельский (окончившие вступали в службу с чинами «от 14-го класса до 9-го», «смотря по успехам»), а позже – Нежинский и Ришельевский (в Одессе). По указу 1817 г. ученики Петербургской гимназии получили право вступать в службу в чине 14-го класса.

Герой пушкинского романа получил только домашнее образование. Следует подчеркнуть, что отношение П. к такому воспитанию было резко отрицательным. В записке для Николая I в 1826 г. поэт писал категорически: «Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное» (XI, 44).

Онегин, как уже было сказано, никогда не носил военного мундира, что выделяло его из числа сверстников, встретивших 1812 г. в возрасте 16–17 лет. Но то, что он вообще никогда нигде не служил, не имел никакого, даже самого низшего чина, решительно делало Онегина белой вороной в кругу современников⁸.

Манифестом Петра III от 18 февраля 1762 г. дворянство было освобождено от обязательной службы. Правительство Екатерины II пыталось указом от 11 февраля 1763 г. приостановить действие манифеста и сделать службу вновь обязательной. Указ 1774 г. подтвердил обязательность военной службы для дворянских недорослей. Однако Жалованная дворянству грамота 1785 г. вновь вернула дворянам «вольность» служить и оставлять службу – как гражданскую, так и военную – по своему произволу.

Таким образом, неслужащий дворянин формально не нарушал законов империи. Однако его положение в обществе было совершенно особым. Сатирическая литература и публици-

⁸ Л. Н. Киселева, проверившая биографии всех современников П., родившихся в интервале между 1794 и 1798 гг., по справочнику Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (всего 137 биографий, охватывающих круг реальных жизненных наблюдений автора *ЕО*), установила, что среди них нет ни одного человека, который бы никогда не служил и не имел никакого чина. Подавляющее большинство из них учились в различных учебных заведениях, а не ограничивались только домашним образованием. Пользуясь случаем поблагодарить Л. Н. Киселеву, любезно поделившуюся со мной результатами своих разысканий.

стика XVIII в. создали традицию отождествления государственной службы и общественного служения. Появилась условная маска неслужащего петиметра, тунеядца и эгоиста. Еще И. Т. Посошков иронизировал по поводу дворян, которые «в службу написаны и ни на какой службе не бывали», «домо соседям своим страшен яко лев, а на службе хуже козы» (*Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 98, 94–95*).

Правительство также весьма отрицательно смотрело на уклоняющегося от службы и не имеющего никакого чина дворянина. И в столице, и на почтовом тракте он должен был пропускать вперед лиц, отмеченных чинами. Если он вынужден был все же вступить в службу, то рассчитывать на хорошее место ему не приходилось. Так, М. С. Воронцов с явным пренебрежением приказывал 1 июня 1822 г. «нигде не служившего дворянина Вас<илия> Туманского» определить в канцелярию без жалования (Пушкин. Статьи и материалы. Вып. III. Одесса, 1927. С. 90), хотя Туманский закончил училище в Петербурге и Collège de France в Париже и был заметным литератором. Екатерина II, прочитав в показаниях арестованного Новикова, что, прослужив всего шесть лет, он вышел в отставку 24 лет от роду поручиком, раздраженно писала: «Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек <...>, следовательно, не исполнил долгу служением ни государю, ни государству» (*Новиков Н. И.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.